

ГИЗУМ ГЕРКО



ЗАПИСКИ

2  
**ЧЁРНОГО  
ПОВАРА**

ПИР ДЛЯ ДРАКОНА

18+

Записки Брюквы

Гизум Герко

**Записки Черного Повара  
2: Пир для Дракона**

«Автор»

2026

## **Герко Г.**

Записки Черного Повара 2: Пир для Дракона / Г. Герко —  
«Автор», 2026 — (Записки Брюквы)

В мире, где боги безумны, магия извращена, а смерть обыденность, отряд наемников "Черное Отребье" делает свою грязную работу. Среди них новичок Брюква, здоровяк-воин, чья истинная страсть кулинария. Он видит битвы, интриги и кошмары этого мира через дымящийся котелок и удачно подобранные ингредиенты. Пока большая часть наемников отдыхает, самые неумные ввязываются в новую авантюру.

## Содержание

Глава 1: Будни «Золотого Грифона»	5
Глава 2: Гонец в Огне	9
Глава 3: Сбор Авантюристов	12
Глава 4: Первые Тени на Тракте	15
Глава 5: Гниющие Земли	17
Глава 6: Мертвый, но Живой	20
Глава 7: Вердикт и План	23
Глава 8: Дорога в Горы	25
Глава 9: Холодный Прием	27
Глава 10: Кулинарный Вызов	31
Глава 11: Пир Примирения	35
Глава 12: Первый Якорь	38
Глава 13: Охотники на Хвосте	41
Глава 14: Проклятые Болота	44
Глава 15: Деревня Сглаза	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

# Гизум Герко

## Записки Черного Повара

### 2: Пир для Дракона

#### Глава 1: Будни «Золотого Грифона»

*21 день Сытня, 1103 год*  
*Кнехт, таверна «Золотой Грифон».*

Прошла неделя.  
Целая неделя с того пира. Когда делили золото и прощались. Кто-то ушел насовсем, кто-то — до следующего заказа.

А мы остались.  
Я, Олаф, Гроб да Сглаз.

Остались в таверне «Золотой Грифон». Лучшая дыра в этом городе, если верить хозяину. Не «Дырявый Кошель», конечно, тут хоть крысы по столам не бегают. Вроде.

Золото карман тянет.  
Тяжелое, приятное. Но толку с него? Лежит на дне кошелька и лежит.

А руки без дела ноют. Мои — по рукояти «дрына» да по ножу кухонному. У Гроба — по дубине. У Олафа..., а хрен его знает, по чему у него руки ноют. По топору, наверное. Он вообще весь как один большой топор. Сидит в углу, молчит, пиво цедит. Наблюдает. Всегда наблюдает.

Скука.

Вот она, главная беда наемника в отпуске. Не вражеский меч, не яд в вине, а она. Скука. Вязкая, как болото. Засасывает. Мысли дурные в голову лезут.

Гроб уже третий день мрачнее тучи. Только и делает, что рыгает да кружкой по столу стучит.

Сглаз, тот вообще с ума сходит. Перебирает свои кости, побрякушки, что-то шепчет. Вчера пытался с тараканом договориться, чтоб тот ему пива принес. Таракан оказался несговорчивый.

А я..., а что я?

Я пью это кислое пиво и думаю. Думаю, что даже в походе, все наши блюда были с душой. А тут без души все. И еда, и пиво, и жизнь эта.

Вечер.

В таверну ввалилась орава. Пять бугаев. В доспехах блестящих, новехоньких. С гербами какими-то на плащах. Баронские рыцари видать. Шумные, сытые, рожи заносчивые.

Прошлись по залу, как будто им все тут принадлежит. Хозяин перед ними лебезит, девка-служанка юлой вертится.

Один из них, самый говорливый, с усиками жидкими, заметил Гроба. Гроб как раз очередную кружку осушил и на стол ее с грохотом поставил. Рыцарь ухмыляется.

— Смотрите, господа! — кричит, значит, на весь зал. — Орк пытается пить из кружки, а не из лужи! Какая нелепица!

Его дружки гогочут. Громко, противно.

Гроб медленно повернул свою зеленую башку. Глаза у него маленькие, красные, как угли. Смотрит на рыцаря.

Так, что смех в зале потихоньку смолкает.

— Я из твоей черепушки пить буду, если рот не закроешь, — голос у Гроба тихий, но тяжелый. Как могильная плита.

Рыцарь на миг бледнеет, но потом хорохорится. Видать, решил, что их пятеро, сдюжат. Делает шаг к нашему столу.

— Ты что сказа...

Не договаривает. Олаф, что до этого сидел неподвижно, как скала, встает во весь рост. Встает и просто смотрит на них. Холодно, как зима на Севере.

— Он это сделает, — говорит Олаф так же тихо, как и Гроб. Зловеще, скрепяще. В его голосе сталь. — А Брюква потом из остатков сварит похлебку. Хотите войти в сегодняшнее меню?

Рыцари переглянулись.

Видят Олафа, его шрамы, его топор у пояса.

На меня глянули — а я что, я не маленький.

Глянули на Сглаза, тот скалится во всю пасть, гнилые зубы показывает.

Но, видать, дурь и выпивка уже сделали свое дело. Говорливый машет рукой.

— Да они охренели там все что ли?!

Это последнее, что он говорит внятно.

Его дружок кидается на Гроба. Тот просто ловит руку рыцаря, летящую ему в лицо, и сжимает. Хруст. Такой сочный, как от куриных косточек. Рыцарь воет. Глядя на свою руку, вывернутую под странным углом. Заваливается на пол.

Говорливый выхватывает меч и кидается на Олафа.

А Олаф... он вжик в сторону и подножку. А вслед по хребту на отмашь. Коротко, жестко.

Рыцарь складывается пополам, свистит, сопит, булькает. Меч на пол выронил. Тот звенит как сковородки на кухне.

Остальные трое замерли. На главаря смотрят - тот все вдохнуть пытается. Да на второго своего, что руку баюкает сломанную.

Видать что-то в мозгах включилось. Поняли, что это не та драка, что им нужна. Подхватывают своих и позорно сваливают за дверь.

В таверне тишина. Только Гроб пивом булькает, горло пересохло видать.

Олаф хмыкнул, подошел к хозяину. Вытащил из-за пояса мешочек. Небольшой. Кинул его трактирщику.

— Мы остаемся. На месяц, — говорит он. — Эта таверна теперь наша. Посетителей не пускать. Еду и выпивку — нам. Вопросы есть?

А хозяин что? Ему только в радость. Тут же лебезит начал, посудник.

Я головой раскинул. Раз начали, нужно продолжать.

Пошел на кухню, нашел главного повара.

В глазах ужас. Весь дрожит.

— Иди, отдохни, и прихвостней своих заведи — говорю я, глядя на него сверху вниз. — Тут мужикам нужна еда, а не твои слезы в супе.

И тоже ему мешочек кинул, уже свой.

Он икает, кивает и пулей вылетает через заднюю дверь. За ним вся кухонная челядь толпой.

Ну вот. Теперь можно и делом заняться.

## Готовка

В кухне «Золотого Грифона» пахнет страхом и подгоревшим луком.

Не самое лучшее сочетание. Но это поправимо.

После такой стычки, пусть и короткой, нервы у всех на пределе.

Гроб зол. Олаф собран, но внутри у него тоже все кипит. Даже Сглаз дергается больше обычного.

Им нужна не просто жратва. Им нужна терапия. А лучшая терапия для воина — это хорошее, честное, основательное жаркое.

Я не стал искать чего-то экзотического.

В кладовой этой таверны нашлась отличная говядина. Задняя часть, большой кусок, с хорошей прослойкой жира. То, что надо. Нашлись и коренья — морковь, пастернак, несколько крупных луковиц. И, что самое главное, в погребе стоял бочонок с темным, густым пивом. Не просто выпивка, а полноценный ингредиент.

Первым делом — мясо.

Я нарезал говядину крупными, с мужской кулак, кусками. Никакой мелочи. Каждый должен чувствовать вес не только в руке, но и на языке. Раскалил на очаге большой чугунный котел, плеснул на дно немного масла. Когда оно зашипело, я бросил туда мясо. Не все сразу, а по несколько кусков, чтобы они именно жарились, а не тушились в собственном соку. Цель — не приготовить, а запечатать. Создать со всех сторон плотную, румяную корочку, которая не даст сокам вытечь во время долгого томления. Это основа основ.

Когда все мясо было обжарено и отложено в сторону, в тот же котел полетел крупно нарезанный лук.

Он тут же начал вбирать в себя все мясные соки, оставшиеся на дне, становясь золотистым и сладким. Следом — морковь, пастернак и несколько зубчиков чеснока, просто раздавленных плоскостью ножа. Еще несколько минут на огне, пока овощи не отдадут свой аромат.

А затем наступил черед пива.

Я влил в котел почти половину бочонка. Оно зашипело, запенилось, поднимая со дна все самое вкусное. Деревянной ложкой я тщательно прошелся по дну, чтобы ни одна частичка вкуса не пропала зря. Вернул в котел мясо. Оно почти полностью скрылось в темной, ароматной жидкости. Добавил пару лавровых листьев, несколько горошин черного перца.

И вот теперь — терпение. Я отодвинул котел с огня почти полностью, чтобы варево в котле не кипело, а лишь лениво вздыхало, изредка пуская пузыри.

Накрыл крышкой и оставил. На пару часов. Не меньше.

Это не быстрая тавернская стряпня.

Это ритуал. За это время грубые куски мяса превратятся в нежнейшие волокна, пиво потеряет горечь, отдав блюду лишь свой глубокий, хлебный дух, а овощи растворятся, создав основу для густого, насыщенного соуса.

За полчаса до готовности пришел черед последнего штриха.

Я взял несколько кусков черствого хлеба, что остался от завтрака, срезал корки, а мякиш размочил в небольшом количестве горячего бульона из того же котла. Потом протер эту кашичку через сито. Этот простой, почти крестьянский прием, который местный повар считал бы дикостью, и есть секрет настоящего жаркого. Я ввел эту хлебную массу в котел. Она не просто загустила соус — она придала ему невероятную бархатистость и сытность.

Когда я снял котел с огня, в кухне стоял такой аромат, что мог бы успокоить даже разъяренного медведя.

Аромат дома, покоя и правильной, мужской еды.

**Блюдо дня: Жаркое «Спокойные Нервы»**, из лучшей говядины, томленной в темном пиве с кореньями, доведенное до совершенства простым, как сама жизнь, куском черствого хлеба.

## Глава 2: Гонец в Огне

*21 день Сытня, 1103 год*

*Ночь. Таверна «Золотой Грифон».*

Жаркое зашло хорошо.

После него в таверне тихо стало.

Даже Гроб, завалился спать на лавке. Храпит как-то мирно. Громко, конечно, как всегда, но без злости.

Сглаз в углу шуршит своими амулетами.

Олаф наточил топор. Прикорнул у очага. Спокойно сидит, голову повесил. Но я-то знаю, он не спит. Никогда не спит.

Я убрался на кухне. Приятно, когда работа сделана. И сделана хорошо.

Сел в зале, сижу, смотрю на огонь, на своих.

Ляпота, спокойствие. Тишина да покой...

А потом грохот.

Дверь в таверну не открыли. Ее выбили. Просто вынесли к чертям, будто бык рогом боднул.

Внутри ввалился мужик. Весь в кровище, одежда в клочья. Упал, попытался встать. Не смог. Только хрипит и кровью на пол плюет.

За ним в проем двое сунулись. Тихо, как тени.

Черная кожа, капюшоны натянуты. В руках кинжалы длинные, почти мечи. С них что-то черное капает. То ли кровь, то ли яд, хрен поймешь.

Гроб уже на ногах, рычит.

Олаф свой топор в сторону откинул, меч выхватил.

Раненый мужик голову поднял, глазами ищет кого-то. Олафа увидел, расслабился.

— Олаф... — хрипит. — Черное Отребье... Барон фон Штрудель... Дракон... Они за мной...

Те двое ждать не стали. Рванули вперед. Один на Гроба, второй на Олафа.

Профи. Двигаются быстро, без шума.

Зазвенела сталь.

Гроб первого на себя принял, дубиной своей отмахивается.

Олаф второго к гонцу не пускает, мечом отбивается.

— Брюква, воды и тряпок! — крикнул Олаф, а сам еле успевает кинжал отбивать. —

Сглаз, не дай ему содохнуть, он нам еще не все рассказал!

Сглаз уже у гонца, рвет на нем рубаху. Мазью какой-то вонючей раны замазывает, бормочет.

Я к бочке с водой. Только обернулся, а тот, что с Гробом дрался, кинжал метнул. Не в орка. В гонца.

Гроб развернулся, подставил грудь. Кинжал в ребра ткнулся, глубоко не вошел.

Орк взревел и кулаком убийце в харю заехал. Смачно так.

Тот башкой об стену шмяк и обмяк.

Второй хотел свалить, но его Олаф догнал. Ткнул мечем вдогонку. Убийца захрипел и развалился на полу. Из спины кровь хлещет. Весь пол залил.

Я к очагу. Там кочерга стояла. Здоровая, чугунная. То что надо.

Первый убийца, которого Гроб оглушил - в себя приходит. За ножом потянулся.

Ну я подошел и этой кочергой его по башке и приложил.  
Звякнуло знатно, будто не по черепушке, а по котлу вдарил.  
Но у него голова то не чугунная, лопнула. Тоже завалился на пол.  
В таверне воняет кровью и потом.  
И гонец на полу хрипит. Все тише и тише.

### **Готовка**

Это не еда. Это лекарство.

Раненый на лавке лежит. Холодный, как лед. Сглаз своими припарками кровь остановил, это да. Но жизнь из мужика уходит с каждым вздохом, как вода сквозь пальцы. Ему нужно было тепло. Не от огня, не от одеял. Внутреннее. Ему нужна была сила, которую не дадут никакие бинты.

Я не думал. Я действовал. Знания, что вложил в меня Мастер, всплыли в голове сами собой, четкие и ясные, как рецепт в поваренной книге.

Цель: не набить брюхо, а запустить сердце, не утолить голод, а обмануть смерть.

В кладовой таверны, после нашего жаркого, остались кости. Большие, говяжьи, с остатками мяса. То, что нужно. В них — вся суть, весь костный мозг, вся глубинная сила животного. Еще я нашел куриные потроха, что местный повар отложил, видать собакам. Сердечки, печенка, желудки. Мастер учил, что в них — искра жизни, быстрая энергия.

Я раздул огонь в очаге до ревающего пламени.

Кости бросил прямо на угли. Не варить, нет. Сначала — обжечь. Огонь лизал их, вытапливая жир, запечатывая снаружи, «раскрывая» их душу. По кухне поплыл густой, тяжелый дух жареного мяса и кости. Это был первый шаг. Пробуждение.

Пока кости проходили крещение огнем, я готовил остальное.

Коренья — морковь, корень пастернака — почистил и нарезал крупно. Их задача — отдать свою земляную сладость и силу. И травы. Из своего личного, заветного мешочка. Не те, что для вкуса. Другие. Пучок сушеного «Кровостока» — жесткой, горькой травы, что, по словам Мастера, способна заставить кровь загустеть даже внутри тела. И щепотка «Зимогрея» — мелких, серых листьев, которые при варке отдадут все свое накопленное за лето тепло. Это была почти алхимия.

Обжаренные, потемневшие кости я переложил в глубокий котел. Туда же — потроха и коренья. Залил чистой, холодной водой. Поставил на самый слабый огонь, на самый край очага. Бульон не должен кипеть. Он должен томиться. Часами. Медленно, терпеливо, вытягивая из каждого ингредиента его последнюю каплю сути. Это процесс не варки, а экстракции.

Через час жидкость в котле из простой воды превратилась в нечто иное. Она стала золотистой, почти янтарной. Сверху плавали мелкие капельки жира, как драгоценные камни. Аромат изменился. Он стал сложным, глубоким.

Пахло не просто едой. Пахло силой.

В самый последний момент я бросил в котел травы. Накрыл крышкой. Пять минут. Не больше. Чтобы они отдали свою силу, но не успели превратить бульон в горькое зелье.

Процедил его через несколько слоев чистой ткани.

Получился не бульон. Получился эликсир. Прозрачный, как слеза, золотой, как полуденное солнце.

С миской этого бульона я подошел к гонцу. Олаф поддерживал ему голову. Я зачерпнул ложкой. Осторожно, по капле, влил ему в рот. Он сглотнул. Раз. Другой. Третий.

С каждым глотком в его щеках, казалось, появлялось немного цвета. Дыхание стало ровнее. Глаза, до этого мутные, обрели толику осмысленности.

Он не был спасен. Не еще. Но я дал ему шанс. Я дал ему то, чего не могли дать ни меч, ни магия. Я дал ему толику жизни, сваренную на медленном огне.

**Блюдо дня: «Бульон Спасения».** Концентрированная жизнь, сваренная из обожженных костей и куриных сердец, с силой целебных трав, способная вытащить с порога смерти.

## Глава 3: Сбор Авантюристов

22 день Сьтня, 1103 год

Кнехт, таверна «Золотой Грифон».

Мужик очухался.

Ну, тот, гонец. Мой бульон, видать, и правда не просто вода с костями.

Сглаз еще его своими травками обложил, так что через пару часов он уже не хрипел, а вполне сносно говорил.

Слабый был, как котенок, но живой.

Рассказал. Про какого-то барона фон Штруделя. Про его земли, что на востоке. И про дракона, что там завелся. Тварь, говорит, огромная, летает, деревни жжет, скот ворует. Обычное драконье дело.

А барон, значит, платит. Платит столько, что у Гроба аж челюсть отвисла. А у Гроба челюсть крепкая, просто так не отвисает.

Гонец говорит, барон ищет лучших. И прослышал про «Черное Отребье». Вот и послал его. А по дороге на гонца эти, в черном, и напали. Недруги, видать. Или просто уроды.

Олаф слушал, не перебивал.

Желваки на скулах ходили. Я его знаю. Он не золото увидел. Он опасность почувствовал.

А где настоящая опасность, там и настоящая работа. И настоящие деньги.

— Хорошо, — сказал он, когда гонец закончил. — Мы беремся за дело. Но отряд у нас поредел. На дракона с такой оравой не ходят. Нужен добор.

Олаф вышел.

Вернулся через час. Сказал, что послал весточку, должны явиться новые ребята.

И они явились. К обеду. Двое.

Первая — гномиха. Коренастая, широкая, как бочка. Волосы каштановые в сложную косу заплетены, а в косе шестеренки какие-то, кольца медные. Руки мозолистые, сильные. За спиной арбалет чудной конструкции, а на поясе — целый набор инструментов. Смотрела на всех исподлобья, будто мы все — механизмы, которые плохо смазали.

Форга, дочь Грома.

Второй — полная ей противоположность. Человек. Худой, сутулый, как знак вопроса. В рясе какой-то поношенной, но чистой. В очках с толстыми линзами, за которыми глаза большие, вечно обеспокоенные. Нервный, пальцы в чернилах, все время что-то в книжечку свою царапает.

Брат Корнелий, алхимик.

Олаф на них посмотрел, как на товар на рынке. Потом кивнул на сломанную лебедку у входа в подвал. Ее еще рыцари эти доломали, когда их вышвыривали.

— Слова — ветер, — сказал он гномихе. — Вот сломанная лебедка. У тебя час.

Форга подошла, пнула механизм ногой.

— Кто это делал? Орк-одноручка? — проворчала она. — Тут все менять надо!

Но достала инструменты и принялась за дело. Без лишних слов.

Потом Олаф бросил на стол кинжал одного из убийц. Тот, с ядом.

— Ты, — сказал он Корнелию. — Что это?

Корнелий, брезгливо взяв кинжал тряпкой, поднес его к носу. Понюхал.

Глаза за линзами на миг расширились от... восторга?

— Яд Гнилой Тени... — прошептал он, будто стихи читал. — Некротический агент. Очень редкий. Очень дорогой.

Пока он рассказывал, Форга уже управилась. Лебедка скрипнула, но заработала. Корнелий уже расписывал в своей книжке противоядие, которое, по его словам, сделать почти невозможно, но он попробует.

— Неплохо, — сказал Олаф. — А теперь проверим, как вы работаете вместе. Гроб!

Орк поднялся, хрустнув костяшками.

— Вы двое. Против него, — Олаф кивнул на новичков. — Бой учебный. Но если он вас достанет — лечить буду я. Кочергой.

Гроб оскалился. Форга схватилась за арбалет. Корнелий побледнел и полез в свою сумку за склянками.

Началось.

Гроб попер на них, как бык. Форга выстрелила. Не в орка, а в пол перед ним. Болт, ударившись о камень, разлетелся на мелкие осколки, которые брызнули Гробу в лицо. Тот взревел, заслоняясь. А Корнелий в этот момент кинул под ноги орку склянку. Та разбилась, и на полу растеклась какая-то скользкая, маслянистая дрянь. Гроб поскользнулся, потерял равновесие. И пока он пытался устоять на ногах, Форга уже перезарядила свой арбалет и целилась ему в колено.

— Достаточно! — рывкнул Олаф. — Хватит. Приняты.

Новички перевели дух. Переглянулись. Один — мозг. Вторая — руки. Может, и работаются.

### **Готовка**

Новички прошли проверку Олафа. Но не мою.

Сила в бою, ум в голове — это хорошо. Но отряд — это не механизм. Это котел. В нем все должно вариться вместе, а не лежать отдельными кусками. Надо было понять, что они за «ингредиенты». Поэтому к ужину я решил сварить не просто еду. Я решил сварить им тест.

Решил сварить похлебку.

Я взял жирную свинину, что дает сладость.

Курицу — мясо нейтральное, впитывающее другие вкусы.

И говяжьи почки, которые, если неправильно приготовить, дадут горечь и жесткость.

Овощи тоже подобрал с умыслом: сладкая морковь, землистый пастернак, простой картофель.

И, конечно, специи. Целый оркестр. Острый перец, чтобы жег. Душистый тмин, чтобы дурманил. И щепотка горьких трав из моих запасов, тех, что обычно кладут в лекарства, а не в еду.

Процесс был сложный.

Каждый вид мяса я обжаривал отдельно, доводя до нужного состояния. Почки долго вымачивал в соленой воде, потом быстро обжарил с луком, чтобы убрать лишнюю горечь, но оставить характерный привкус.

Овощи закладывал в котел в строгой последовательности, чтобы одни успели развариться в пюре, дав густоту, а другие остались чуть твердыми, создавая контраст.

Это была не просто похлебка. Это была ловушка для языка. Намеренный вкусовой диссонанс.

Первое, что чувствуешь, — это мясная, сытная основа.

Потом приходит сладость от свинины и моркови.

А за ней — легкая, почти незаметная горечь от почек и трав.

И в самом конце, когда уже проглотил, в горле вспыхивает острое послевкусие перца.  
Блюдо-загадка.

Я разлил похлебку по мискам и молча наблюдал.

Форга, гномиха, схватила ложку и принялась есть. Быстро, методично, не обращая внимания на вкус. Для нее это было топливо. Калории. Энергия для работы. Она доела, отодвинула пустую миску и принялась чистить свой арбалет. Практичная до мозга костей.

Понятно.

А вот Корнелий... он замер после первой же ложки. Поднес ее к носу, понюхал. Снова попробовал, но уже чуть-чуть, перекатывая на языке. Его глаза за толстыми линзами задумчиво сузились.

— Интересно... — пробормотал он, скорее себе, чем кому-то. — Горечь корня... похоже на мандрагору, но слабее... она смягчена сладостью, возможно, меда или пастернака. Но острота перца... она здесь не просто так. Она здесь, чтобы скрыть третий, едва заметный вкус... это... грибы? Какие-то лесные, с ореховым привкусом?

Я молча кивнул.

Он не просто съел. Он понял. Разобрал мое блюдо на части, как Форга свою лебедку.

Этот худой, нервный мужик был не просто теоретиком, который читает книжки. Он был мастером. Такого же склада, что и я. Только его котел — это реторта, а его специи — яды и минералы.

Мы с Олафом переглянулись и криво улыбнулись друг другу.

Да. С этими можно и на дракона.

**Блюдо дня: «Похлебка Оценки».** Сложное, многослойное варево из мяса и овощей, не для насыщения, а для проверки ума и характера.

## Глава 4: Первые Тени на Тракте

*25 день Сытня, 1103 год*

*Тракт на восток.*

Выдвинулись.

Дорога на восток. Пыль, скука.

Новички, Форга и Корнелий, держатся особняком. Она все время возится со своим арбалетом. Что-то крутит, мажет смазкой.

А Корнелий идет, уткнувшись в свою книжку, спотыкается о каждый корень.

Странная парочка. Но дело свое, вроде, знают.

Шли два дня. Ничего. Только пыль да редкие деревни, где на нас косились, как на чуму.

А на третий день потянуло дымом.

Мы тогда как раз из низины выходили.

Впереди, за поворотом, что-то чадило. Вонь стояла... не как от костра. Горелое дерево, да. Но еще что-то. Жженая ткань. И мясо. Сладковатый, тошнотворный запах.

Олаф дал знак. Мы за оружие. Двинулись вперед, осторожно.

За поворотом караван. Точнее, то, что от него осталось.

Пять телег, догорают. Лошади лежат в упряжи, перерезаны глотки.

И люди. Купцы, охрана. Их немного, человек десять.

Но дело не в этом.

Они... странные. Не просто убиты. Будто из них всю влагу высосали. Кожа сухая, пергаментная, обтягивает кости. Как будто не вчера их убили, а год они тут на солнце лежали.

На бортах повозок, там, где не сгорело, кто-то вырезал знаки. Кривые спирали, закрученные внутрь.

— Плохие духи! Очень плохие! — зашипел Сглаз, отступая на шаг. Он вытащил какой-то оберег из когтей и перьев. — Не звери это уже!

Корнелий, наоборот, подошел ближе. Нагнулся над одним из тел, но не дотронулся. Присмотрелся, что-то пробормотал.

— Их плоть... она нестабильна, — говорит, и очки так на нос задвигает. — Это некротическая энергия.

И тут из леса донесся вой.

Не просто вой. Голодный, злой. А потом еще один. И еще. Целая стая.

Мы в круг. Спина к спине.

Из-за деревьев волки. Штук двадцать. Крупные, матерые. Но не обычные. Глаза у них светились тусклым, болотным зеленым огнем. А на серой шерсти, на боках, проступали темные узоры. Такие же спирали, как и на повозках.

Не рычат. Шипят будто змеи. И с клыков у них капает не слюна, а жижа какая-то черная.

Твари рванули на нас. Беззвучно. Не лаяли, не выли. Просто неслись, как серые стрелы.

Я дрыном размахнулся. Встретил первого. Удар. Хруст костей. Волк в визг, отлетел. Но тут же на меня второй прыгнул. Я отмахнулся, в воздухе его сбил.

Гроб рядом ревет, как медведь. Своей дубиной превращает волчьи головы в кровавую кашу.

Форга стреляет из своего арбалета. Четко, быстро. Каждый болт находил цель.

Но тварей много. Лезут со всех сторон.

Один из вцепился в ногу Корнелию. Тот взвизгнул, как поросенок, кинул в волка какую-то склянку. Та разбилась — волка облаком едким обдало. Дым вонючий!

Тварь заскулила. По земле катается. Шерсть дымится и сползает клочьями.

Бой короткий получился. И грязный.

Когда последний волк сдох, мы стояли посреди поляны, усеянной трупами.

Трупами, которые уже начали... распадаться. Превращаться в черную, дымящуюся слизь.

Олаф вытер меч о траву.

— Обыскать караван, — скомандовал. — Взять все, что уцелело. И уходим отсюда. Переходим в другом месте.

### **Готовка**

Привал сделали через пару часов, когда уже были далеко от того проклятого места.

Нашли небольшую поляну у ручья. Все молчали. Драка вымотала, но еще больше вымотало то, что мы увидели. Эти твари, эти знаки... дело пахло не просто драконом. Пахло чем-то похуже.

Продукты... если это можно было так назвать.

Большинство повозок сгорело дотла. Но в одной, что стояла чуть в стороне, кое-что уцелело. Пара мешков с крупой, верх которых обуглился. Несколько шматов копченого сала, тоже подкопченных с одного бока. И горсть каких-то кореньев, черных снаружи, как уголь.

Жрать это просто так — все равно что пепла наесться. Но голод не тетка. А повар на то и повар, чтобы из дерьма сделать что-то съедобное. Это была проверка. Кулинария выживания.

Первым делом я занялся крупой.

Высыпал ее на чистую тряпку, отделил целые, не сгоревшие зерна от углей. Потом — в котелок и к ручью. Промывать. Долго. Терпеливо. Первая вода стала черной, как деготь. Слил. Залил снова. Вода стала серой. Снова слил. И так раз десять, пока вода не стала почти прозрачной. Вся горечь ушла с ней. Крупа, конечно, впитала в себя запах дыма, но это уже не гарь, а легкий аромат копчения. Это можно есть.

Потом коренья. Они были черные и твердые, как камни. Чистить их — значит выбросить все. Я вспомнил, как Мастер учил поступать с подгоревшим хлебом. Огонь может быть не только врагом, но и помощником. Я не стал их чистить. Я разгреб угли в костре и засунул коренья прямо туда. Целиком. Внешняя, обугленная часть превратилась в плотную, защитную корку, как броня из сажи. А внутри, под этой броней, мякоть не горела, а пеклась в собственном соку, становясь мягкой и даже немного сладкой.

Сало я нарезал мелкими кубиками, обрезав самый черный край. Вытопил из него жир на сковородке. В этом жире обжарил промытую крупу, добавил воды, немного соли из своих запасов, и поставил вариться. Получилась густая, сытная каша с привкусом дымка.

Когда коренья были готовы, я достал их из углей, разбил твердую корку. Внутри оказалась нежная, пахнущая печеным, мякоть.

Разложил по мискам.

Горка дымящейся каши. Рядом — ложка печеных кореньев.

И сверху — несколько хрустящих шкварок, что остались от сала.

Это была не самая красивая еда. Она была серой. Она пахла дымом и пеплом.

Но она была горячей. Сытной. Она была живой.

Мы ели молча, глядя в огонь. И эта простая, спасенная из огня жратва, давала нам силы.

Силы, чтобы идти дальше.

**Блюдо дня: «Ужин из Пепла».** Спасенная из огня крупа и запеченные в углях коренья. Блюдо после пожара.

## Глава 5: Гниющие Земли

*27 день Сытня, 1103 год*

*Гниющие Земли. Замок барона фон Штруделя.*

Чем дальше на восток, тем хуже земля.

Сначала просто чахлая, потом — больная.

Деревья скрюченные, будто их от корчит. Ветви голые, черные, тянутся к небу. Будто руки утопленников.

Трава под ногами не зеленая - бурая, жухлая. Хрустит, как сухари.

И запах... Сначала я не понял, что это.

Сладковатый такой, приторный. Как от падали, что долго на солнце пролежала.

Висит в воздухе, въедается в одежду, в ноздри. От него во рту кисло.

Это и есть земли барона фон Штруделя.

Гниющие Земли. Название в самый раз.

Замок его на холме, черный, угрюмый.

Камень мокрый, будто плачет. Как мы подъехали - ворота открылись. Со скрипом, что резал уши.

Встретили нас стражники. И вот что странно — земля вокруг дохлая, а стражники эти круглые, как хряки. Морды лоснятся, пузо из-под доспехов выпирает.

Не похоже, что они тут голодают.

Ну и сам барон нас встретил. Вышел на крыльцо.

Высокий, худой. Одет с иголки, в бархат. Волосы темные, уложены волосок к волоску.

Манеры — хоть королям показывай. Чисто Шнол, только человек.

Поклонился, улыбнулся. Но глаза... Глаза у него холодные. Безразличные. Как у змеи, что на мышь смотрит.

— Прощу простить за скромный прием, — говорит голосом мягким, вкрадчивым. — Проклятый змей отравляет все вокруг. У нас почти не осталось припасов.

Олаф окинул взглядом его сытых стражников. Потом на барона глянул.

— Вижу, — коротко ответил.

Нас провели внутрь.

Разместили. Ужин обещали.

А вечером, когда только стемнело, началось.

Сначала раздался визг. Нечеловеческий. Потом — крики со стен.

Мыво двор выскочили. А там уже бой.

Из леса, со стороны гнилой низины, лезли твари. Кабаны.

Только не простые. Огромные, раза в два больше обычных. Шерсть клочьями, а под ней — какие-то наросты, бугры. И из этих наростов сочилась черная, маслянистая дрянь.

Та же скверна.

Они перли на стены, как безумные. Бились головами о камень. Рыли землю клыками.

Стража барона отстреливалась, лила со стен кипятком. Но тварей много.

Одна прорвалась через боковую калитку. Кинулась на стражников, разбрасывая их, как кегли.

Ну тут и мы ввязались. Если эти твари замок возьмут и мы тут вместе со всеми поляжем.

Гроб с ревом врезался в кабана, дубиной проломил ему череп. Только жижа черная во все стороны.

Форга, со стены, посылает болт за болтом, укладывая монстров одного за другим.

Я тоже своим дрыном работаю. Мясо у них было жесткое, но кости ломаются хорошо.

Отбились.

Трупы этих мутантов быстро начали разлагаться. В ту же черную слизь. И вонь пошла та же, тошнотворная.

Барон спустился к нам, брезгливо морща нос.

Поблагодарил. Сказал, что теперь мы видим, с чем имеем дело.

Ага. Видим.

Только что-то говорит, что видим мы совсем не все.

### **Готовка**

Не все туши разложились. Видимо часть еще не сильно подверглись скверне.

После боя стражники барона начали стаскивать уцелевшие туши кабанов в яму, чтобы сжечь.

Я подошел к Олафу.

— Командир, одну тушу можно мне? — спросил я.

Он на меня посмотрел, как на идиота.

— Опять? Ты это жрать собрался? Еды ж хватает!

— Я хочу попробовать, — ответил я. — Припасов, жалуются, мало. Негоже мясом разбрасываться. Даже таким.

Олаф хмыкнул, но кивнул. Мол, давай.

Это был вызов. Не просто приготовить еду. А сделать из яда — пищу. В одиночку я бы не справился. Но подошел Корнелий, с научным любопытством поковырял палочкой один из трупов.

— Брат Корнелий, — сказал я. — Мне нужна твоя помощь. Эту дрянь надо очистить. Алхимией твоей. Сможешь?

Он аж просиял.

— Очистить? Нейтрализовать некротический агент? Это же очаровательно! То есть, увлекательно! Конечно!

И мы принялись за работу.

Это было странно. Не кухня, а лаборатория алхимика. Корнелий достал свои склянки, порошки. Смешал в большом чане какой-то раствор. Он шипел, пузырился и вонял так, что слезы из глаз текли.

Я тем временем разделал тушу кабана. Мясо было бледное, с черными прожилками. Наросты я срезал и бросил в огонь. Остальное нарезал на крупные куски. Корнелий велел замочить мясо в его растворе. На час.

— Это должно связать и вывести большую часть скверны, — объяснил он. — Но остаточная токсичность все еще может быть опасна.

Когда мы достали мясо, оно выглядело... чище. Черные прожилки побледнели. Но я ему не доверял. Теперь была моя очередь.

Я поставил на огонь большой котел с водой.

Добавил туда пучок каких-то горьких трав, что дал мне Корнелий.

«Очищающий сбор», сказал он. Когда вода закипела, я бросил туда мясо. Варил минут двадцать. Бульон стал черным и мутным, с отвратительным запахом. Я слил его без малейшего сожаления.

Мастер учил: иногда первый отвар — это яд.  
И сейчас был именно тот случай. А потом и второй, и третий. Пока бульон не стал бесцветным.

После этого я раскалил на огне сковороду.

Огромную, чугунную. Плеснул жира. И начал обжаривать отваренные куски мяса. На самом сильном огне. Огонь должен был убить все, что не убила алхимия и варка. Я не жалел специй. Огромное количество рубленого лука, давленный чеснок, жгучий черный перец.

Дым стоял коромыслом. Шипение, треск, аромат... сильный, острый, почти яростный. Он не маскировал запах гнили. Он его уничтожал. Вбивал в него свой собственный, честный, съедобный дух.

Подавал я это просто.

Гора жареного мяса на большом деревянном блюде. Рядом — остатки нашего дорожного хлеба.

Олаф попробовал первым. Осторожно. Пожевал. Кивнул.

— Съедобно, — сказал он. — Даже вкусно. Не хуже некровепря.

Остальные тоже накинулись. Корнелий про некровепря выспрашивать начал.

Мясо было жестковатым, но сочным. А мощный вкус чеснока, лука и перца забивал все остальные привкусы.

Это была грубая, простая еда. Но она была безопасной.

И она была нашей маленькой победой над гнилью этой проклятой земли.

**Блюдо дня: «Жаркое Очищения».** Мясо мутанта, вымоченное в химии и забитое ударной дозой специй. Еда, отвоеванная у самой скверны.

## Глава 6: Мертвый, но Живой

28 день Сьтня, 1103 год

Логово дракона.

Логово дракона мы нашли по запаху.

Сладковатый трупный смрад. Тот что висел над всем баронством, здесь он был густым, как кисель. Он лез в горло, забивал нос, от него слезились глаза.

Логовом оказалась глубокая дырень в горе. А прямо у горы гнило болото.

Зрелище внутри было... мерзкое.

Огромная пещера, усеянная костями. И посреди нее, на груде полусгнивших костей, лежал он.

ДРАКОН.

Только дохлый.

И уже давно, судя по всему. Шкура обвисла, местами прогнила до костей. Огромная туша раздута, как дохлая рыба. И вонь... Невыносимая трупная вонь.

Мы стояли и смотрели на эту гору гниющей плоти.

— Так он же дохлый, — сказал Гроб, сплюнув. — Нас обманули?

— Не совсем, — пробормотал Корнелий, приносиваясь. — Физическое тело мертво, да. Но... эманации... скверна исходит именно отсюда. Его сущность, его дух, все еще здесь. И отравляет все вокруг.

Форга хмыкнула. Видать не верила в духов и эманации. Она верила только в большой бум.

— Если проблема в туше, — заявила она, снимая с плеч свой ранец, — то я эту проблему решу. Разнесу ее на такие мелкие куски, что от нее и запаха не останется.

Какие-то брикеты и веревки полетели из ее сумки на землю.

Взрывчатка. Гордость гномьей инженерии. Олаф хотел было что-то сказать, но она уже полезла к дракону, закладывая заряды под самое его брюхо.

Он вздохнул и махнул рукой. Мы отошли.

Форга вернулась, разматывая длинный фитиль.

Подняла на Олафа глаза. Тот молча кивнул.

Грохнуло знатно. Я аж присел. И не один.

Камни сыпятся, уши закладывает.

Все падает...

Погремело, погудело и успокоилось.

Дым и пыль немного рассеялись.

Брюхо дракона разорвало. Куски гнили разбросало по всей пещере.

Вонь — хоть лопатой гребь. Стала еще гуще. Только теперь еще и горелым завоняло.

— Так, — сказала Форга, деловито осматривая свою работу. — Ну, по крайней мере, мы его проветрили.

Но туше хоть бы что, почти целая. Только дырень огромная в боку.

А потом как раз из это дырени что-то как полезло...

Длинное, белесое, сегментированное. Как червяк. Только размером с человека.

И не одно. Они полезли наружу, извиваясь.

Десятки. Гигантские трупные черви. Видать жрали дракона изнутри.

Взрыв их разбудил. И разозлил.  
— Кажется, его глисты не очень нам рады! — рявкнул Гроб.  
Твари с шипением бросились на нас.  
Из пастей, клыки-крючья торчат. С них черная жижа с пеной капает. Сами все в щетине.  
Бой завязался отвратительный.  
Мы рубили и кололи, секли и топтали. Все в грязище, кровище, и гнилых ошметках.  
Черви бросались под ноги. Пытались сбить, вгрызся в ноги.  
Вонь стояла такая, что уже мочи не было.  
Мы дрались в облаке миазмов. Поскальзываясь на ошметках их плоти. Отбиваясь от этих гнилостных тварей.

Когда всех добились, все попадали на землю. Без сил.  
Мы были вымотаны. Перепачканы в какой-то мерзкой дряни. И от нас воняло как от этой самой драконьей туши.  
А главное — проблема никуда не делась.  
Дракон все еще валялся горой гниющего мяса посреди пещеры.  
Наша затея провалилась. Полностью.  
Настроение шлак.  
Кое как выбрались из пещеры.  
Молчали. Каждый думал о своем.  
Мы зашли в такую даль, разворошили осиное гнездо. А толку?  
Чувство бессилия — оно хуже раны.

### **Готовка**

Но даже в таком состоянии людям нужно жрать.  
Горячая еда — это последнее, что остается, когда больше ничего не осталось.  
Я перебрал наши запасы. Картина была печальная.  
Почти все продукты испортились в этих магических миазмах.  
Сухари, твердые, как камень. Маленький шматок сала, уже начал горчить. И одна-единственная луковица еще не сгнила до сердцевины.  
Осталось только сотворить очередное чудо. Да и не нужно. Сейчас нужна была не изысканная еда. Нужна была честная, простая жратва. Горячая и калорийная. Чтобы просто пережить эту ночь и не свихнуться от безысходности.  
Я развел небольшой костер. В котелок налил воды из фляги, бросил туда щепотку соли. Пока вода закипала, я занялся продуктами. Сухари раскрошил ножом, как мог мелко. Получилась грубая, серая мука. Сало нарезал самыми мелкими кубиками, какие только смог. Луковицу изрубил почти в пыль.  
Когда вода закипела, я засыпал туда крошки сухарей. Они тут же начали разбухать, превращая воду в густую, клейкую массу. Потом добавил сало и лук. Помешивал, пока сало не вытопилось, отдав каше свой жир, а лук не стал прозрачным, отдав свою последнюю сладость.

Это было не блюдо.  
Это была квинтэссенция нашего положения.  
Густая, серая, бесформенная масса. Но она была горячей.  
Она пахла простым, понятным запахом жареного лука и сала.  
Я разлил ее по мискам.  
Никто не сказал ни слова. Все просто взяли ложки и начали есть. Обжигаясь, но ели. Эта простая, грубая каша не давала наслаждения. Она давала тепло. Она наполняла пустые желудки.

Она говорила: «Ты еще жив. Ты можешь продержаться еще один день».  
И в тот момент этого было достаточно.

**Блюдо дня: «Каша Бессилия».** Густая похлебка из последних сухарей, сала и лука.  
Честная, как само отчаяние, и горячая, как последняя искра надежды.

## Глава 7: Вердикт и План

*29 день Сьтня, 1103 год*

*Замок барона.*

Вернулись в замок.

Злые. Вонючие.

Барон сам встретил. Рожа та же, вежливая.

Выслушал наш доклад про дракона. Про червей. И даже бровью не повел!

Будто мы ему про погоду рассказывали, а не про то, как чуть не сдохли в горе гнили.

Помылись.

Потом нас позвали на совет. В зале сидел барон, его капитан стражи. На столе карты, вино, хлеб.

— Прямая атака не сработала, — начал барон. — Почему?

Корнелий, всю ночь не спавший. Книжки штурдил вместо сна. Откашлялся и говорит:

— Туша дракона — это просто оболочка. Внутри сидит его дух, отравленный скверной. Разрушать тело бесполезно, нужно изгнать дух, разорвать его связь с этим местом.

— И как тогда его уничтожить? — спросил Олаф.

— Нужен ритуал. Для него нужны три катализатора. Три «Якоря Реальности». Нам нужны не мечи, а символы. Вещи, резонирующие с самой сутью мира. Камень, что впитал тишину веков. Эхо, что помнит пустоту. И искра самой жизни.

Якоря, искры, пустота.

Еще и хрень какая-то про символы. Куда мы ввязались?!

— Что это за штуки? — буркнул Гроб.

Видать тоже чует не доброе.

Корнелий же гнет свое:

— «Тихий Камень» в Горах Орков. «Эхо Пустоты» в Великих Топях. А «Искра Жизни»... ее нужно создать.

Тут уж и я не выдержал.

— Создать? Из чего и как? — спрашиваю.

— Да, создать. — Корнелий уже мне отвечает. Спокойно, медленно, как тупице. — Это должен быть эликсир или что-то, что воплощает чистую жизненную силу. Блюдо, на крайнюю очередь.

Ясно. Теперь еще и готовить всякую магическую дрянь.

Олаф криво усмехнулся.

— Проще говоря, нам нужно совершить три самоубийственных похода вместо одного. Барон, ваша щедрость будет не знать границ?

Барон только руками развел.

— Другого пути нет. Конечно я помогу. Снаряжение, карты — все, что нужно — в вашем распоряжении.

Гроб наклонился над картой, что-то долго высматривал.

— Это... это мой дом, — сказал он. — Я оттуда, из Гор Орков. =

Олаф посмотрел на него.

— Значит, ты и поведешь. Первый поход — в твои горы.

### Готовка

Пока они там продолжали карты мусолить, я пошел на кухню.

Голова от их болтовни уже гудела.  
Надо было сварить что-то простое, ясное. Чтобы мозги на место встали.  
Только для нас. Пусть барон со своими сам себе готовит.

Кухня тут была хорошая.

Чисто, посуда медная, печь что надо. И продукты свежие, хоть и мало. Курица молодая, мука, коренья. Даже вино белое нашлось.

Решил сварить похлебку. Но не нашу, походную бурду, а что-то полегче.

Главное — бульон. Он должен быть чистым, прозрачным. Взял куриные кости, крылья. Залил холодной водой, добавил лук, морковь. И на самый мелкий огонь. Бульон не должен кипеть, только томиться. Часа три. Только так он будет прозрачным, как слеза.

Пока варилось, замесил тесто на лапшу. Мука, яйца, соль. Раскатал тонко, нарезал узкими полосками. Куриное мясо с ножек мелко порубил. Коренья — морковь, пастернак — нарезал тонюсенькой соломкой.

Когда бульон был готов, процедил его через тряпку. Получилась чистая, золотая жидкость. Вскипятил, влил немного вина, посолил.

А дальше — фишка.

Я не стал все варить в одном котле. Это была бы обычная баланда. Я в каждую миску положил горсть сырой лапши, щепотку рубленой курицы и немного овощной соломки. А потом залил все это кипящим бульоном. Прямо в тарелке все и сварилось.

Быстро.

Лапша осталась упругой, овощи — чуть хрустящими. Все со своим вкусом.

Получилась легкая, но сытная похлебка. Простая и понятная.

То, что надо, чтоб прочистить мозги перед долгой дорогой.

**Блюдо дня: «Похлебка Мыслителя».** Бульон с домашней лапшой и свежими овощами, заваренный прямо в тарелке. Легкая еда для тяжелых мыслей.

## Глава 8: Дорога в Горы

*2 день Сборня, 1103 год  
Предгорья Орчьих Гор.*

Свалили мы из земель барона.  
И слава всем богам. На севере хорошо — воздух чище.  
Пропал тот сладковатый трупный запах. Вместо него пахнет хвоей и камнем.  
Дышать прям легче.

Приблизились к горам.  
Дорога пошла вверх. Круто. Вместо гнилой земли теперь камни.  
Идем медленно, тяжело. Но никто не жалуется.  
Это была усталость. Честная, от работы. А не от вони и безысходности.

На третий день подъема сделали привал на небольшом плато у ручья.  
Место хорошее, продувается. Вид открывается — аж дух захватывает.  
Скалы, снежные шапки на вершинах. Красиво, да.  
Сглаз, который шарился по кустам в поисках своих корешков, замер.  
Присел. Махнул нам рукой. Мы за оружие. Подкрались.  
На небольшой полянке, у скалы — туша. Огромный горный козел. Рога витые, в два обхвата.

Видать, сорвался со скалы. Или ему помогли.

И тут из-за камней вышли они.  
Две кошки. Размером с доброго волка, только ниже и шире в плечах. Шкура пятнистая, как снег в тени.

А из пасти торчат клыки, длинные, как кинжалы.  
Саблезубые рыси. Редкие твари. И злые — ужас.  
Увидели нас. Зашипели, припали к земле. Свою добычу защищали.  
Рванули на нас одновременно. Быстрые, как молния.  
Одна — на Гроба, он ближе всех был.  
Вторая — на меня.

Я успел только дрын выставить. Тварь вцепилась в него зубами, рычит, пытается вырвать.  
Гроб свою рысь просто сгреб, как котенка, и об скалу шмякнул. Хрустнуло.

Форга, которая стояла чуть дальше, всадила второй твари болт в бок. Та взвизгнула, выпустила мой дрын и отскочила. Посмотрела на нас злыми желтыми глазами, на своего дохлого товарища, и скрылась в камнях.

Все. Бой кончился, не успев начаться.

Гроб подошел к дохлой рыси, пнул ее.

— Хорошие кошки. И обед принесли.

Форга сплюнула, перезаряжая свой арбалет.

— Неэффективный метод охоты. Слишком много беготни. Пара капканов — и обед сам к тебе придет.

### **Готовка**

Это была не просто добыча.

Это был подарок гор. Свежайшее мясо. Молодой козел, сильный, здоровый.

Такое мясо портить котлом, варить в похлебке — грех.  
Оно заслуживало уважения. Оно заслуживало огня. Чистого, честного огня.  
Я решил вернуться к основам.  
К тому, как готовили первые воины и охотники.  
Без посуды. Без лишней суеты. Только мясо, огонь и то, что дает сама земля.  
Козла разделал. Большая часть пошла в запасы, на вяление. А себе на ужин я взял самое лучшее — ребра. Целую грудину, с хорошим слоем жира.

Пока разводили костер, я пошарил по склону. Нашел то, что искал.

Дикий горный чеснок, с резким, острым запахом.

И заросли горного тимьяна, мелкого, но такого душистого, что голова кружилась.

Больше ничего не нужно.

Я взял большую горсть соли, несколько головок чеснока и пучок тимьяна. Положил все это на плоский камень и другим камнем начал растирать. Не в пыль, нет. А грубо, чтобы чеснок дал сок, а тимьян отдал свой дух. Получилась влажная, ароматная кашица.

Этой смесью я натер ребра со всех сторон. Тщательно, втирая в каждую щель, в каждый надрез. Соль вытянет лишнюю влагу, создаст корочку. Чеснок и тимьян пропитают мясо своим духом.

Котел я даже не доставал.

Пока разгорался костер, я срубил несколько молодых, гибких веток ольхи. Очистил от коры. Когда костер прогорел и остались только жаркие, раскаленные докрасна угли, я воткнул эти ветки по обе стороны от углей и уложил их крест-накрест. Получилась импровизированная решетка. Свежие, сочные ветки не сгорят сразу, они будут тлеть, отдавая мясу свой легкий, сладковатый дымок.

Я уложил на эту решетку ребра.

И началось.

Мясо зашипело. Жир начал таять и капать на угли. Каждая капля взрывалась облачком ароматного дыма, который окутывал мясо, пропитывал его еще больше. Я не отходил. Стоял и смотрел. Переворачивал, когда нужно. Слушал, как поет мясо на огне. Запах стоял такой, что даже Форга перестала возиться со своими механизмами и начала принохиваться. Запах огня, мяса, чеснока и диких трав. Запах свободы.

Готовилось недолго. Главное было не пересушить.

Когда мясо покрылось темной, хрустящей корочкой, а кость на срезе стала белой, я снял его с огня.

Никаких тарелок.

Я просто разрубил грудину топориком на порционные куски и раздал всем.

Мы ели руками, обжигая пальцы. Мясо было невероятным. Хрустящая, соленая корочка снаружи. А внутри — нежное, сочное, тающее во рту, пропитанное ароматом гор.

Это была простая и совершенная еда. Дань уважения добыче.

И доказательство того, что настоящему повару нужен не котел и не десяток специй.

Ему нужен хороший продукт и понимание огня.

**Блюдо дня: «Горная Козлятина по-горски».** Свежайшее мясо, приготовленное на углях. Блюдо, простое, как сама гора, и вкусное, как сама жизнь.

## Глава 9: Холодный Прием

*9 день Сборня, 1103 год  
Пещерный город орков.*

Горы все суровее.  
Воздух — холоднее. Аж зубы крошатся.  
Идем по тропам. Ведет Гроб, только он их знает.  
Он молчит почти всю дорогу. Но ведет уверенно.  
Видно, что он дома. Хоть и не видно, что он этому рад.

Через неделю вышли к огромной дырени в скале.  
Вход в пещерный город клана Кровавого Пика.  
Несет дымом. Жареным мясом. И невымытыми мужиками. Обычный орочий запах.

У входа двое стражников.  
Огромные, как и Гроб, только моложе и злее.  
Вроде мирные.  
Увидели нас. Потом увидели Гроба.  
Орки и так не особо красавцы, а тут прям скривились словно демоны.  
Один даже на землю сплюнул.  
— Гляди-ка, — рычит. — Щенок вернулся. Смерть свою искать.  
— Привел с собой падальщиков, — это уже второй второй, на нас зыркает. — Что, Гроб, совсем ослаб? Сам уже не можешь охотиться?  
Гроб не ответил. Просто смотрел на них. Тяжело, как скала.  
— Нам нужен вождь, — сказал Олаф, выходя вперед. — У нас дело.  
— У нас с предателями дел нет, — отрезал первый стражник, выставляя вперед копьё.  
— Проваливайте. Или мы ваши головы на пики насадим.  
Гроб вышел вперед.  
— Я пришел говорить с Грум'наком. Он мой брат.  
— Он тебе не брат, изгнанник! — разорался страж. — Он вождь! А ты — позор клана!

На шум высыпало еще с десятков орков.  
Окружили нас, рычали, потрясали оружием. Дело запахло большой дракой.  
Из такой вряд ли живыми выйдем.  
Но Гроб руку поднял.  
— Я пройду ритуал, — говорит, громко, так что далеко слышно. — Я докажу свое право говорить.  
Орки замолчали. Переглянулись.  
Стражники ухмыльнулись.  
— РИТУАЛ! — тут уже все заорали. — ИЗГНАННИК ТРЕБУЕТ РИТУАЛ!

Нас грубо втолкнули внутрь.  
Город орков — это тупо пещера. Полная дыма от сотен костров. В стенах — выдолблены ходы и жилища.  
Везде орки. Мужики, бабы, дети.  
И все на нас смотрят.  
С ненавистью. И на Гроба — тоже с ненавистью.

Затолкали нас в самый большой зал.  
В центре была площадка. Песком посыпана. Арена, видать.  
А на другом ее конце, на троне из камня и костей, сидел он.  
Вождь Грум'нак. Братан Гроба, значит.  
Похож на Гроба, как две капли воды.  
Только старше и больше. И шрамами весь покрыт.  
Взгляд злобный, ледяной. И такой властный.

— Ты посмел вернуться, щенок, — рокочет как барабан, все притихли. — Твоя кровь слаба. Твой дух сломлен. Ты ушел, как трус.

— Я ушел, потому что не хотел убивать брата, — это ему Гроб в ответ.

— Ложь! — аж поднялся с трона. — Ты хотел власти! Но ты был слаб! Ты и сейчас слаб! Хочешь говорить? Докажи! Побей моего чемпиона. Если выживешь — я тебя выслушаю.

Вождь кивнул, и на арену вышел орк.  
Молодой, огромный, с двумя топорами в лапищах.  
Оскалился, глядя на Гроба. Топорами друг о друга вдарил, только искры в разные стороны.

Гробу дубину его передали. Ту что на входе забрали.

Он ее взял, повертел в руках. Приготовился.

Бой начался без всяких сигналов.

Орак накинудся. Топоры засвистели.

Гроб тупо отступил.

Тупой орк пронесся мимо и почти завалился.

Силен. Быстр. Но глуп.

Дерется яростью. А Гроб опытом.

Начался танец. Кружат друг перед другом как петухи.

Молодой нападает, Гроб отбивался.

Молодой отсупает, Гроб атакует.

Как дубина с топорами встретится - звон на всю пещеру.

Гроба уже весь в порезах мелких. Дышит тяжело, видать устал.

Чемпион - живчик. Все прыгает как кузнечик, не напрыгается.

Ревет, скалился. Толпа криками поддерживает.

А потом этот орк совершил ошибку.

Замахнулся обоими топорами. Вложил всю силу в удар. Наверное, думал разрубить Гроба пополам. Шут его знает что хотел.

Гроб не стал отбивать. Просто шагнул вперед, прямо под удар. Принял топор на плечо. Лезвие рубануло, кровяца брызнула.

А Гроб просто зарядил дубиной орку промеж глаз.

Бац!

Хруст был громче, чем звон топоров.

Чемпион как стоял, так и упал. Ноги подломились, рухнул на песок.

Гроб топор из плеча вырвал, отбросил.

Встал над врагом. На дубину оперся, видать сильно досталось.

Кровь течет, уже весь бок блестит.

— Я вернулся не просить, — говорит, прямо вождю в рожу. — Я пришел брать. Но сначала — говорить.

Вождь смотрел, смотрел. И говорит, устало так:

— Завтра, все завтра. Уведите их.

### **Готовка**

Орки отвели нас в какую-то боковую пещеру.

Холодную, сырую.

Бросили на пол, как мешки с мусором. Гробу рану перевязали кое-как.

Туда же притащили и все наши пожитки. Скинули у стены.

Я глянул - мешков с припасами не было.

Мы сидели в тишине, слушая, как он хрипло дышит. Он победил, да. Но цена была высока.

Через час пришел орк. Просто какой-то орк.

С презрительной ухмылкой он бросил к нашим ногам огромную деревянную миску.

— Вождь велел накормить вас, — прорычал он. — Вот. Жрите, чужаки.

В миске лежало несколько здоровенных, жестких, жилистых обрезков мяса, какие обычно бросают собакам. Рядом он швырнул маленький мешок с какой-то серой пылью и бурдюк, из которого воняло тухлятиной.

— Это... костная мука, — прошептал Корнелий, с любопытством заглядывая в мешочек.  
— Корм для скота.

— И вода из сточной канавы, — добавила Форга, поведив носом.

Это было не угощение.

Это было оскорбление. Плевок в лицо. Они дали нам мусор и сказали: «Ешьте».

Гроб сжал кулаки, хотел было вскочить, но я положил ему руку на здоровое плечо.

— Спокойно, дружище. Это вызов, теперь уже мой. Я его принимаю.

Высыпал содержимое миски на относительно чистый очаговый камень.

Да, картина была удручающей. Жесткие, заветренные обрезки. Пыль, пахнувшая мелом и старыми костями. И вода, в которой плавало что-то непотребное.

Любой другой выкинул бы это.

Но я — повар «Черного Отребья».

Я готовил кое-что и похуже, а это все же мясо. Это для меня не проблема. Это интересная задачка. Вызов!

Я подошел к Корнелию, который все еще с интересом смотрел на костную муку.

— Мне нужна твоя помощь, — сказал я. — Можешь сделать из этой муки плотную пасту? Как глина.

Он вопросительно посмотрел на меня.

— Зачем?

— Будем печь хлеб, — усмехнулся я.

Он пожал плечами, но взялся за дело. Уж что-что, а смешивать компоненты в нужной пропорции он умел. Через десять минут у меня была плотная, серая масса. Не сказать что похожая на тесто. Больше она походила на глину.

Я развел небольшой костер.

Притащил плоский, гладкий камень и положил его на угли, чтобы он раскалился.

Отщипывая от пасты небольшие куски, я расплющивал их ладонью и бросал на горячий камень. Паста шипела, твердела, превращаясь в подобие жестких, сухих галет. Они не пахли ничем, кроме пыли, но это было что-то твердое. Что-то, что можно грызть.

Теперь вода. Я вылил содержимое бурдюка в котелок. Да, вид был тот еще. Я вскипятил ее, потом аккуратно процедил через самый чистый кусок своей рубахи. На ткани остался слой

мерзкой грязи. Вода стала чуть чище. Я повторил это еще два раза. В итоге у меня получилась почти прозрачная, хоть и пахнувшая тиной, жидкость. Не родниковая вода, конечно, но пить можно.

И, наконец, мясо.

Его нужно было размягчить. Я положил обрезки на большой камень и начал методично отбивать их другим камнем, поменьше. Удар за ударом. Через полчаса жесткие жилы превратились почти в фарш.

Я снова вскипятил очищенную воду, бросил туда это избитое мясо и щепотку соли из мешочка на поясе. Варил недолго, лишь бы мясо отдало бульону свой слабый вкус.

Бульон слил, а мясо вываривал еще два часа.

Когда все было готово, я разлил этот жиденький, но чистый и горячий бульон по нашим мискам.

Добавил вываренного мяса. Каждому положил по две костяные галеты.

Орки, которые с ухмылками наблюдали за моими действиями, замолчали.

Они видели, как я взял мусор, который они нам швырнули, и превратил его в еду.

В настоящую, горячую еду.

На их рожах было удивление. Они смотрели на меня уже не как на прислужника изгнанника, а как на какого-то шамана, сотворившего чудо из ничего.

**Блюдо дня: «Похлебка Изгнанника».** Бульон из отбитых мясных обрезков с жесткими галетами из костной муки. Доказательство того, что настоящий повар может победить даже презрение.

## Глава 10: Кулинарный Вызов

*9 день Сборня, 1103 год  
Стойбище Кровавого Пика.*

Похоже стражники немного обалдели от моей похлебки.  
Сгрудились у входа в пещеру. Смотрели то на пустые миски. То на меня.  
Презрение ушло. Сменилось недоумением. Или даже уважением?  
Сила бывает разной. Иногда она в кулаке, а иногда — в котле.  
Гроба увели к вождю. Мирно и спокойно.

Прошло пару часов.

Вокруг тишина.

Пришел огромный орк. Что-то пробурчал стражам.

Ту уже к нам:

— Вождь зовет, выходите.

Снова привели в главный зал.

Вождь Грум'нак все так же на своем троне. Кулаком челюсть подпер. Скучает.

Рядом с ним Гроб. Говорят о чем-то. Тихо, на орочьем.

Слов не слышно. Но Гроб весь в напряге. Того и гляди взорвется.

Мы подошли ближе.

Вождь в меня вперил свои зенки. Долго сверлил взглядом. Будто оценивал.

— Ты, — пророкотал. — Чужак. Мои воины сказали, ты превратил помои в еду.

— Я превратил вызов в ужин, вождь, — ответил я, стараясь пафосно.

— Он не просто повар, брат, — вмешался Гроб. — Он лучший повар, которого я видел. Его еда... она говорит. Она может заставить воина плакать или смеяться. Она может дать силу, когда сил уже нет.

— Силу дает мясо и кровь! — рыкнул Грум'нак. — А не твои сказки, изгнанник!

— Тогда давай проверим, — голос Гроба стал тверже. — Ты любишь хорошую готовку больше, чем хорошую драку. Это все знают. Я предлагаю договор. Не бой. Кулинарный поединок. Мой повар против твоего. Победитель докажет, что его понимание еды... и силы... вернее. Если он победит — ты дашь нам то, за чем мы пришли. «Тихий Камень».

В пещере повисла тишина.

Орки, загалдели, начали переглядываться. Кулинарный поединок за древний артефакт рода?

Это было неслыханно.

Вождь долго молчал. Глядя на брата. Потом снова на меня.

Оглядел меня с ног до головы. Вздыхнул опять.

— Еда для воинов должна быть приготовлена воином, — наконец сказал он. — А ты... ты мягкий. Человеческий. Слабый. Чтобы готовить для моего клана, нужно иметь сильные руки. И крепкую башку. Сначала докажи, что ты не просто кухонная баба. Ур'гаш!

На крик вышел орк.

Почти такой же здоровый, как Гроб. Но шире. Весь в шрамах, на бритой башке — татуировки. Руки толщиной с мои ноги.

А смотрит, как на грязь под ногами.

— Драться с этим? — прохрипел он. — Да я его одним пальцем раздавлю.

— Вот и раздави, — ухмыльнулся вождь. — На кулаках. Без оружия. Если он устоит — посмотрим, на что годна его стряпня.

Я глянул на Олафа. Тот кивнул. Выбора нет, нужно драться.

— Я готов, — говорю.

Куртку снял, стою плечи разминаю.

— О, он еще и говорит, — заржал Ур'гаш, и фартук с себя сбросил. — Ну давай, мягкотелый. Посмотрим, как ты будешь визжать.

Зря он так.

Вышли на арену.

Толпа орков сомкнулась. Ревят и ставки делают.

Я будто гладиатор. Только вместо меча — кулаки.

Бой оказался простым и грязным.

Без всяких приемов. Ур'гаш попер, как бык. Кулаками машет, словно кувалдами.

Такой схлопочешь, сразу в отключку.

Увернулся. Пропустил удар мимо.

Кулаки свистят у головы. Ничего, я не из пугливых.

Ударил в ответ. В бок. Хорошо попал, он аж крякнул.

И тут же мне в челюсть прилетело. В глазах темно, во рту кровь.

И пошло-поехало. Я вдарю, он вдарит. Он вдарит, я ему сдачи.

Сильный зараза. Каждый удар прям дух выбивает.

Но я чуть быстрее. И разозлился. Немного.

Начал его мутузить.

За право готовить.

За Гроба.

За Олафа.

За весь отряд.

Он мне под ребра. Я ему в нос.

Хруст стоит сплошной, кровища хлещет.

Вцепились друг в друга, как два медведя.

Покатались по песку. Рычим, мутузим друг друга.

Толпа вокруг уже орет о восторге.

Разошлись, встали на ноги.

Все тело гудит. Из-за крови ничего не видно.

Ур'гаш дышит, как загнанная лошадь. Нос был сломан. Из губы кровь всю грудь залила.

Но стоит. И я стою.

Смотрим друг на друга. А злости уже нет. Только упрямство. Ну может уважение еще, чуть.

— Хватит! — это уже вождь, рявкнул.

Мы замерли.

— Твой повар может драться, — говорит Грум'нак, и в его голосе явно одобрение. — Это хорошо. Но понимает ли он еду воина?

Я кровь вытер с рожи. Посмотрел на вождя.

— Дай мне кусок мяса, и я заставлю тебя плакать от счастья, вождь.

### **Готовка**

Вождь заржал. Громко, от души.

— Мне нравится твоя дерзость, чужак! — пророкотал он. — Принесите ему мясо! Лучшее мясо из запасов!

Двое орков притащили и бросили на каменный стол огромный кусок. Вырезка какого-то горного зверя, быка чтоли, только откуда быки в горах?

Мясо темно-красное, с толстыми прожилками желтого жира. Идеальный продукт.

Рядом бросили мешочек с крупной серой солью и горсть маленьких, сморщенных стручков дикого перца, от одного вида которых во рту горит.

Это был не просто набор продуктов. Это был язык, на котором говорил вождь. Он не просил утонченности. Он требовал силы. Ярости. Вкуса, который бьет, как молот.

Я принял вызов.

Я не стал разводить сложный огонь. Я велел оркам раздуть их костер до ревушего пламени. Мне нужен был первобытный, неукротимый жар. Никаких котлов, никаких сковородок.

Пока огонь набирал силу, я занялся мясом. Взял горсть соли и горсть перца, бросил их в каменную ступку и начал толочь. Не в мелкую пыль, нет. Я раздробил их грубо, чтобы каждый кристалл соли, каждый кусочек перца остался самим собой. Я хотел, чтобы вождь чувствовал их на зубах.

Этой брутальной смесью я начал натирать мясо. Не нежно, не втирая. Я вбивал специи в плоть, колотил кулаком, чтобы соль и перец проникли глубже.

Это была не подготовка. Это было объявление войны.

Когда мясо было готово, я подошел к огню. Отгреб в сторону часть углей, создав площадку адского жара. И бросил мясо прямо на них.

Зашипело. Заскворчало. Жир, тая, капал на угли, взрываясь снопами искр и облаками едкого, пряного дыма. Я не отходил ни на шаг. Стоял у огня, чувствуя, как его жар обжигает лицо. Длинными щипцами я переворачивал кусок. Снова и снова. Моя задача была создать идеальный баланс. Снаружи мясо должно было покрыться абсолютно черной, хрустящей, почти обугленной корочкой. Но внутри, у самой кости, оно должно было остаться почти сырым, сочащимся кровью.

Это был танец с огнем.

Чуть зазеваешься — и получишь уголь.

Недодержишь — получишь просто сырой кусок.

Я слушал мясо. Оно само говорило, когда его нужно перевернуть.

Шипение становилось глуше, корочка трещала под щипцами.

Когда я решил, что готово, то снял его с углей и швырнул на большой плоский камень, служивший столом. Никаких украшений. Никаких соусов. Просто огромный, дымящийся, пахнущий огнем и яростью кусок мяса.

Пододвинул камень к трону вождя.

Ур'гаш, мой противник по драке, стоял рядом, с любопытством и сомнением глядя на мое творение.

Вождь наклонился, вдохнул аромат. Потом взял огромный нож, отрезал кусок.

Прямо с костью. Поднес ко рту. Откусил.

И взревел.

Это был не крик боли или ярости. Это был рев чистого, первобытного удовольствия. Он жевал, и я видел, как ходят желваки на его челюсти. Он оторвал еще кусок. Потом еще. Кровь и жир текли по его бороде, но он не обращал внимания.

Доев, он обглодал кость и швырнул ее собакам.

Потом посмотрел на меня. В его глазах горел огонь.

— Хорошо, чужак, — прорычал он. — Очень хорошо. Ты понимаешь. Ты понимаешь еду воинов. Я даю добро. Готовься к поединку. Ты и Ур'гаш. Завтра. Посмотрим, чья магия котла сильнее. Твоя или его.

**Блюдо дня: «Жаркое „Вызов принят“».** Огромный кусок мяса. Брутальная, честная еда, говорящая на языке силы.

## Глава 11: Пир Примирения

*10 день Сборня, 1103 год  
Стойбище Кровавого Пика.*

Утро.

В главной пещере шумно.

Весь клан собрался. От шкетов до последнего старика.

Орки — народ простой. Они любят две вещи: хорошую драку и хорошую жратву.

Драку они вчера видели. Теперь ждали жратвы.

В центре зала два больших очага. Именно там, где мне вчера рожу намыливали.

Рядом — два плоских камня. Типа столы.

Напряжение висит в воздухе, густое, как дым от сырых дров.

Сегодня деремся не кулаками. Сегодня сражаемся готовкой.

Мой противник, Ур'гаш. Уже у своего очага.

Смотрит на меня без злобы. Вчерашняя драка с него спесь то смыла.

Теперь только любопытство. И упрямство.

Вождь Грум'нак вышел к трону.

— Сегодня мы увидим, чья еда достойна воинов Кровавого Пика! — проревел вождь.  
— Чья стряпня угодна Великому Шестирукому Богу! Победитель получит уважение клана! А проигравший... — он усмехнулся, — проигравший будет чистить котлы.

Орки одобрительно завопили.

### Готовка

Принесли ингредиенты.

Два одинаковых набора. На двух деревянных подносах. Мясо пещерного ящера — бледное, почти белое. Несколько крупных, светящихся в полумраке пещеры грибов. Бурдюк с темной, густой кровью летучих мышей. И пучок каких-то горьких горных трав. Наборчик, прямо скажем, на любителя.

— Кто начинает? — спросил вождь.

Ур'гаш посмотрел на меня, ожидая, что я буду тянуть время.

Я сделал шаг вперед.

— Я начну, вождь, — говорю. — Я гость. Будет невежливо заставлять хозяина показывать свои секреты первым. Пусть он видит, с чем ему придется соревноваться.

Ур'гаш удивленно поднял бровь. Толпа загудела. Такого они не ожидали. Показать свой рецепт противнику — это либо глупость, либо невероятная уверенность в себе.

— Ты смел, чужак, — кивнул вождь. — Начинай.

Я знал, что Ур'гаш будет готовить что-то мощное, сытное, традиционное.

Огромный кусок мяса, много жира, сильные, простые вкусы. Это орочья кухня. Попытаться переплюнуть его в этом — глупо. Это его поле. Я должен был играть на своем. На поле хитрости.

Я не стал готовить жаркое.

Я решил сделать ставку на контраст.

Мое блюдо будет легким, почти воздушным.

И вся его суть будет не в мясе. А в соусе.

Мясо ящера нарезал тонкими, почти прозрачными ломтиками. Оно было постным, без единой жиринки. Отбил его слегка плоской стороной ножа, чтобы стало еще нежнее. На рас-

каленный камень я плеснул всего каплю жира, что вытопил вчера из мяса горного зверя. И быстро, по несколько секунд с каждой стороны, обжарил ломтики ящера. Только чтобы они побелели и схватились. Сложил на тарелку.

Это была основа. Чистый, нежный вкус.

Теперь — главное.

Соус.

Светящиеся грибы я мелко порубил. Они пахли странно — озоном после грозы и сырой землей. Кровь летучих мышей была густой и сладковатой. Я смешал грибы и кровь в небольшой плошке. Добавил немного соли, щепотку толченого перца из своих запасов.

А потом достал из заветного мешочка то, что должно было решить исход поединка.

Маленький, невзрачный сушеный листик. Мастер называл его «Остролист». Он не был острым. Но у него было одно свойство — он невероятно обострял все вкусовые рецепторы. Делал их чувствительными, как открытая рана.

Я растер листик в пыль и добавил в соус. Всего одну щепотку.

Соус получился странного, фиолетового цвета. Я полил им ломтики мяса. Просто и без изысков.

Подал вождю.

Ур'гаш посмотрел на меня с презрением. Будто спрашивая:

«И это все? Пара жалких кусочков мяса с какой-то светящейся жижей? Разве этим накормишь воина?»

Вождь тоже выглядел разочарованным. Он взял кусок мяса, понюхал. Попробовал. Пожевал.

— Хм, — промычал он. — Необычно. Соус... кислый, сладкий. Жжется немного. Интересно. Но это явный проигрыш. Я знаю стряпню Ур'гаш.

Он съел еще кусок. Потом еще. И отставил тарелку.

— Неплохо, чужак. Для человеческой еды. Теперь твоя очередь, Ур'гаш. Покажи ему, что такое настоящая орочья жратва!

Ур'гаш оскалился. Вот он, его час.

Он действовал уверенно, размашисто. Взял большой, цельный кусок мяса ящера. Нашпиговал его горькими травами и целыми грибами. Потом обмазал все это густой смесью глины и залил внутрь кровь летучих мышей. Получился большой, бесформенный кокон. Ур'гаш разгреб угли в своем очаге и зарыл этот кокон прямо в жар.

Это была древняя, проверенная техника. Мясо, запеченное в глине, получается невероятно сочным и ароматным.

Пока мясо пеклось, он приготовил подливку. Просто смешал оставшуюся кровь с рублеными травами и солью и поставил близко к огню. Густая, темная, пахнущая силой жижа.

Через полчаса он вытащил глиняный кокон из огня. Ударил по нему молотом. Глина раскололась, и изнутри вырвалось облако пара. Аромат был мощный, мясной, с горькой ноткой трав. Ур'гаш уложил огромный дымящийся кусок мяса на каменное блюдо и щедро полил его кровяной подливкой. Вот это была еда для воина. Блюдо выглядело внушительно.

Он с гордостью подал его вождю.

Грум'нак довольно крикнул, отрезал ножом огромный шмат и отправил в рот.

И тут же его лицо исказилось. Он выплюнул мясо на пол. Глаза его вылезли из орбит.

— Что... что это за дрянь?! — взревел он, хватаясь за горло. — Ты что, решил отравить меня, Ур'гаш?!

Повар замер в шоке.

— Но, вождь... это же...

— Это отрава! — орал Грум'нак. — Оно горькое, как желчь тролля! Соленое, как слезы морской ведьмы! И острое, будто я наелся углей! Ты что, с ума сошел?!

На Ур'гаша было жалко смотреть. Это было его коронное блюдо. Блюдо, которое он готовил для вождя сотни раз. Он не понимал.

Весь клан замер в ужасе.

Побелевший Ур'гаш дрожащей рукой взял кусок своего же мяса. Попробовал. Пожевал.

Потом его взгляд упал на остатки моего соуса. Он подошел, зачерпнул пальцем каплю. Лизнул. Его глаза расширились от удивления. Видать почувствовал это. Легкое жжение и покалывание.

Потом снова взял кусок своего мяса. И снова попробовал.

И я увидел, как до него дошло. Его глаза, до этого полные непонимания, вдруг округлились.

Он посмотрел на меня. Потом снова на мясо.

И его огромное, покрытое шрамами лицо начало подергиваться.

А потом он затрясся. И из его глотки вырвался рык. Сначала тихий, булькающий. А потом он заржал. Захохотал так, что своды пещеры задрожали. Он катался по полу, держась за живот, и смеялся до слез.

Орки смотрели на него, как на безумного.

Даже вождь перестал орать.

— Ты... ты... — выдавил Ур'гаш сквозь смех, показывая на меня пальцем. — Ты не мясо готовил, хитрец! Ты приготовил язык вождя! Ты не победил мое блюдо, ты заставил вождя самого его победить! Ха! Клянусь Шестируким Богом, вот это я понимаю — магия готовки!

Он встал, отряхиваясь. Подошел ко мне. И протянул свою огромную лапу.

— Ты победил, чужак. Честно. Ты не просто повар. Ты повар-воин. Твое оружие — котел. Я признаю твою силу.

**Блюдо дня: «Мясо Ящера» против «Мяса Ящера».** Поединок, в котором победила не грубая сила, а хитрость и глубокое понимание вкуса.

## Глава 12: Первый Якорь

*10 день Сборня, 1103 год  
Стойбище Кровавого Пика.*

Вождь Грум'нак спустился со своего трона.  
Его гнев прошел. Теперь он смотрел на меня с... интересом.  
Подошел, оглядел остатки обоих блюд.  
— Ты победил, чужак, — сказал он. — Твоя магия оказалась сильнее. Клан Кровавого Пика уважает силу. В любом ее виде. С этого дня ты — друг клана.  
Протянул мне руку. Огромную, в шрамах.  
Я пожал. Это было как пожать ствол дерева.  
— А теперь, — он повернулся к толпе, — то, за чем они пришли. Принесите «Тихий Камень»!  
Двое орков скрылись в одном из боковых проходов. Вождь посмотрел на Гроба.  
— Ты привел ко мне хорошего повара, брат. Может, в тебе и осталась еще искра чести. Вернулись орки.  
Они несли его на толстых кожаных ремнях.  
Камень. Черный, гладкий, размером с большую тыкву.  
Тупо. Обычный. Камент!  
Ни резьбы, ни рун. Просто камень.  
Но когда его поднесли ближе, я почувствовал. Тишину.  
Вокруг него будто пропадали все звуки.  
Рев толпы, треск костров, даже дыхание. Все становилось глуше.  
Тонуло в этой тяжелой тишине.  
От него веяло холодом веков.  
— Вот, — сказал Грум'нак. — Забирайте. И уходите.  
— Не так быстро, — Олаф сделал шаг вперед. — Сначала — пир. Мы гости. А вы — хозяйева. Мы прошли испытание. Теперь покажите свое гостеприимство.  
Вождь смотрел на Олафа. Долго.  
Потом его губы тронула кривая ухмылка.  
— Ты дерзок, северянин. Как и твой повар. Мне это нравится. Хорошо! Будет пир! Пир, какого не видели эти пещеры! В честь наших... гостей! И в честь примирения!  
Толпа взревела. На этот раз без злобы. С предвкушением.

Начался пир.

Орки — народ простой. Если они дерутся — то до смерти.

Если пируют — то до беспамятства.

Притащили бочонки с их грибным элем, мутным и крепким.

Потащили туши каких-то пещерных тварей. Разделали их прямо тут же, в зале.

Развели костры побольше.

Мы сидели рядом с вождем. Я, Олаф и Гроб.

Нас приняли. Временно, но приняли. Напряжение спало.

Даже Форга, чуть расслабилась и тянула эль.

Эль бил в голову, как молот.

Развязывал языки.

Вождь пил больше всех.

Он сидел рядом с Гробом. Говорили. Вспоминали детство.

Лицо Грум'нака смягчалось с каждым словом.

Но старая обида, как заноза.

— Ты был лучшим воином, брат, — наконец сказал он. — Самым сильным. Но ты испугался. Испугался власти! Испугался ответственности! И сбежал! Оставил меня одного!

— Я ушел, чтобы не пролить твою кровь, — хрипло ответил Гроб. — Наш отец хотел, чтобы мы убили друг друга за право быть вождем. Я не стал этого делать.

— Это был закон! Традиция! А ты плюнул на нее! Ты показал свою слабость!

Они спорили, их крики становились все громче.

Наконец, Грум'нак вскочил.

— Хватит слов! — взревел он. — Слова для людей и эльфов! Орки говорят кулаками! Я хочу видеть, осталась ли в тебе та сила! Или ты совсем размяк среди этих мягкотелых! Выходи!

Он скинул накидку и вышел на арену.

Гроб глянул на Олафа.

Тот кивнул. Это нужно было закончить.

Здесь и сейчас.

Гроб молча встал и тоже вышел на арену.

Два брата. Два гиганта.

Один — вождь, закованный в броню власти. Второй — изгнанник, в простой походной одежде.

Они не стали ходить вокруг да около.

Просто сошлись в центре и начали бить друг друга.

Голыми кулаками. Каждый удар был как удар тарана.

Звук ломающихся костей и рвущейся плоти.

Это был не бой. Это была проверка. Кто крепче. Кто упрямее.

Грум'нак был сильнее. Но Гроб прошел через Север.

Он прошел через ад. В нем было больше злости. Больше усталости.

И больше отчаяния.

Он бился, не щадя ни себя, ни брата.

В конце они оба едва стояли на ногах. Лица превратились в кровавое месиво.

Но Грум'нак упал на одно колено. А Гроб остался стоять. Шатаясь, но стоял.

Вождь сплюнул кровью на песок.

Поднял голову. И рассмеялся.

— Вот... вот он мой брат! — прорычал он. — Не сломался!

Он поднялся, подошел к Гробу и обнял его. Аж захрустело.

— Ты больше не изгнанник, — сказал он. — Твой дом здесь. Навсегда!

### **Готовка**

После этого боя пир пошел по-настоящему.

Напряжение окончательно спало.

Орки ревели, приветствуя своего старого-нового брата.

Гроб, хоть и был избит до полусмерти, выглядел счастливым.

Впервые за все время, что я его знал.

Ко мне подошел Ур'гаш.

— Друг брата нашего вождя хорошо дерется, — сказал он, протягивая мне кружку эля.  
— Как и готовит.

— Главный стряпчий твоего вождя тоже не промах, — ответил я, принимая кружку.

— Пойдем, — сказал он. — Воинам нужно мясо. Много мяса. Поможешь.  
Мы пошли к очагам.  
Теперь уже не как противники.

У орков были огромные запасы.

Копченые ребра пещерных медведей, вяленое мясо каких-то рогатых тварей. Все грубое, жесткое, но настоящее.

— Мы просто жарим это на огне, — сказал Ур'гаш, указывая на огромный окорок. — Долго. Пока не станет мягким.

— Есть способ быстрее, — сказал я. — И вкуснее.

Я взял большой чан, вылил туда пару бочонков их грибного эля. Добавил горсть раздавленных кислых ягод, что нашел у них в запасах, и немного соли.

— Что ты делаешь? — спросил Ур'гаш. — Пиво портишь?

— Я делаю маринад, — объяснил я. — Кислота в эле и ягодах размягчит мясо. Оно приготовится в два раза быстрее и будет сочным, как персик.

Я опустил в этот маринад несколько связок копченых ребер.

Ур'гаш смотрел на это с сомнением, но молчал.

— А теперь ты, — сказал я. — Покажи мне, как вы используете жар.

И он показал. Он не жарил мясо прямо над огнем. Орки делали по-другому. У них были специальные плоские камни, которые они часами держали в самом сердце костра, пока те не начинали светиться изнутри. Потом они вытаскивали эти камни щипцами, быстро очищали от золы и укладывали мясо прямо на раскаленную поверхность.

— Камень держит ровный жар, — объяснил Ур'гаш. — Мясо не горит, а печется. Равномерно. Со всех сторон.

Это была простая, но гениальная техника.

Я смотрел, как он работает. Уверенно, без суеты. Он знал свой огонь, свои камни.

Когда ребра замариновались, мы достали их и уложили на такой же раскаленный камень. Зашипело. Аромат поплыл по пещере — смесь дыма, пива, мяса и специй.

Мы работали вместе.

Я показал ему, как с помощью трав можно добавить вкусу глубины.

Он показал, как по цвету дыма определить, готово ли мясо внутри. Мы не говорили много.

Нам не нужны были слова. Мы говорили на языке огня и еды.

Когда первая партия ребер была готова, мы подали их на стол вождя.

Они были невероятными. Мясо само отходило от кости. Нежное, пропитанное ароматом эля и трав, с хрустящей, дымной корочкой снаружи.

Грум'нак и Гроб, сидя рядом, рвали это мясо руками и запивали элем.

Они смеялись. Впервые за много лет вместе.

**Блюдо дня: «Жареные Ребра Примирения».** Копченые ребра, запеченные на пещерных камнях. Совместное блюдо, человека и орка.

## Глава 13: Охотники на Хвосте

*11 день Сборня, 1103 год  
Стойбище Кровавого Пика.*

Прощание с орками.

Ну или что-то типа того.

Вождь Грум'нак и Гроб стоят друг напротив друга. Два камня. Два брата. Ничего не говорят. Только смотрят. Вся пещера, полная орков, тоже молчит. Ждут.

Даже вонь от костров и немых тел как будто притихла.

Потом вождь просто кивнул. Гроб кивнул в ответ.

И мы ушли. Никто нас не провожал. Просто смотрели в спину.

Вышли из пещеры на свет.

Воздух тут же стал другим. Резкий, холодный. Колет легкие.

Но чистый. Без дыма и злобы.

Отряд молчал.

Гроб шел впереди, рядом с Олафом. Спина прямая, башка опущена. Думает. Наверное. Или просто шея от вчерашнего болит.

Долго шли так, в тишине.

Только камни под ногами хрустят.

Форга, гномиха, что пыхла рядом со мной, вдруг заговорила. Голос у нее всегда такой, будто гайки закручивает.

— Чего он тебя изгнал-то? — спросила она Гроба, догнав его. — Не похож ты на того, кто спину показывает.

Гроб остановился. Посмотрел на нее сверху вниз. Она ему по пояс.

— Он не меня изгнал. Он себя от меня отгородил, — говорит. Голос у него тихий, непривычно. — По закону клана, после смерти отца, мы должны были драться. За право быть вождем. Насмерть.

— И ты отказался? — хмыкнула Форга. — Не по-орочьи как-то.

— Я отказался убивать брата, — отрезал Гроб. — Отец был старый, злой. Он считал, что только кровь делает вождя сильным. А я считаю, что сила в другом. В том, чтоб не поднимать руку на своих. Он назвал меня трусом. Слабым. Может, он и прав был. Но брат есть брат.

Он сплюнул на камни и пошел дальше.

Форга какое-то время шла молча, разглядывая свою сложную кисть на арбалете.

— У нас... у гномов... все проще. Или сложнее. Механизм должен работать, а кто его смазывает — не так уж важно, — пробормотала. — Хотя мой отец считал иначе. Говорил, что чертеж... Ладно, неважно.

И замолчала. Не договорила. Видать, у каждого свой брат, свой отец. И свои горы.

Пару дней брели по ущелью.

Стены высокие, небо — узкая синяя полоска. Ветер гуляет, завывает. Пусто. Только эхо от наших шагов.

К вечеру третьего все уже вымотались. Готовой Жратвы орочьей, что нам дали, хватило ненадолго.

Желудки уже сводит.

— Как выйдем, привал, — это Олаф. Голос его как гром по ущелью. — Жратва нужна, горячая. Сил уже нет. Все как волки голодные.

Когда уже показался выход из этой каменной глотки, впереди что-то грохнуло.

Небо посыпалось. Огромные валуны, туча пыли и мелких камней. Завал. Прямо перед нами.

Путь отрезан.

— Засада! — орет Олаф. — К оружию! К стенам!

И тут же со скал посыпались они. В черном, как тени. С короткими мечами, в легкой броне.

Не сволочь с тракта. Профи. Двигаются быстро, слаженно. Без криков, без рева. Молча. Нас было видно как на ладони. Они же за камнями. Стреляют из арбалетов.

Сглазу тут же прилетело в голову булыжником. Весь бой как тот булыжник и пролежал.

— Гроб, Брюква, ко мне! Держим проход! Форга! Мне нужен выход! — командует Олаф.

Мы стеной встали.

Они на нас. Двое на Олафа, один на Гроба. На меня тоже один.

Меч короткий, целится под ребра. Я свой дырн выставил, как копьё. Он отскочить попытался.

А я просто маханул. По ногам. Хруст. Готово.

Гроб ревет, размахивает дубиной. Одного в скалу впечатал. Вторым, ловкий, зараза, отскочил.

Пока рубились впереди, Корнелий, не растерялся.

Начал швырять склянки из своей сумки. Склянки бьются, и оттуда зеленая, пузырящаяся жижа. Куда попадала — все шипит, пузырится. На камнях, на броне.

Один из этих, в черном, под жижу попал. С руки кожа слезает, как мокрая тряпка. Гадость, фу.

Но действует.

И тут сзади грохнуло. Да так, что у меня зубы клацнули.

Это Форга, молодец. Орет что-то про селитру и уголь.

Огромные валуны, что перекрывали путь — в щепки.

Пыль, дым, запах серы.

— Проход есть! — кричит.

Враги, видать, поняли, что облом. Еще мгновение, и свалили. Ушли обратно в горы. Тихо, как и появились. Только трое на земле, корчатся.

— Добить, — рявкнул Олаф. — Форга, завал!

— Еще минут пять! Там еще один камень висит, его надо уронить, или он нам на башку свалится! — гномиха, уже копошится с новыми брикетами.

Отряд вымотан. Все злые.

Адреналин еще в крови, но силы на исходе.

Надо жрать. Быстро. Горячо. Чтоб силы вернулись.

### **Готовка**

Не было времени на котлы и долгую варку.

Нужен был огонь и что-то, что можно сделать за минуты.

Пока Форга возилась со своей взрывчаткой, а остальные держали дозор, я вытряхнул из мешка остатки припасов.

Сухое мясо, горсть галет, кусок сала. Не густо. Но для воина это не просто еда. Это топливо.

Я не стал разводить большой костер. Несколько сухих веток, маленький, жаркий огонек между камнями. Гроб протянул мне малый щит-баклер. Я положил его прямо на угли. Раскалить докрасна.

Пока щит грелся, я занялся подготовкой. Галеты. Жесткие, как камень. Обухом ножа я растолок их в грубую крошку. Не в пыль, а именно в крошку, чтоб зубы чувствовали работу. Сухое мясо изрубил ножом так мелко, как только мог. Почти в фарш. Сало нарезал тонкими пластинками и бросил на раскаленный щит. Оно тут же зашипело, потек жир.

В этот кипящий жир я бросил мясную крошку. Помешал кончиком ножа. Мясо схватилось, стало темнее. Добавил туда же раскрошенные галеты и щедрую горсть черного перца из своего мешочка. Перец сейчас был нужен не столько для вкуса, сколько для огня внутри. Чтобы кровь быстрее побежала. Все это быстро перемешал. Получилась густая, липкая, ароматная масса.

Снял щит с огня. Руками, обжигаясь, я начал лепить из этой массы небольшие, плотные лепешки. Толщиной с палец. И тут же бросал их обратно на горячий щит.

Шипение. Запах жареного мяса, сала и острого перца.

С одной стороны минута, перевернул. С другой стороны минута.

Готово.

Это была не изысканная еда.

Это была ярость, спрессованная в лепешку. Горячая, жирная, острая.

То, что нужно, чтобы снова взять в руки меч.

Я раздал их парням. Они ели молча, обжигая пальцы. Глаза у всех горели злым огнем.

Даже Сглаз чуть оклемался и перекусил немного.

Мы выжили. Мы были голодны. И мы были готовы к новой драке.

**Блюдо дня: «Быстрые Лепешки с Салом»** не еда, а топливо для продолжения боя.

## Глава 14: Проклятые Болота

*14 день Сборня, 1103 год  
Великие Топи.*

Бежим.

Два дня уже. Два дня они на хвосте. Тени.

Не отстают. Не нападают в открытую. Ждут. Выматывают.

Ночью тени длиннее, каждый шорох — как лезвие по нервам.

Олаф злой, молчит. Ведет нас на восток, в топи. Говорит, там их след потеряем.

Или свою жизнь.

Горы кончились. Резко. Будто их отрезали ножом.

Камень сменяется грязью. Воздух стал тяжелым, влажным.

Пахнет гнилью и чем-то сладковатым. Болезнью, Корнелий говорит.

— Великие Топи, — это бормочет Сглаз, глаза его желтые блестят. — Дом мой тут. Рядом. Не совсем. Духи тут злой. Не любить чужак.

— Они нас проведут? — спрашивает Олаф, глядя на гоблина.

— Или сожрать, — скалится Сглаз. — Идти за мной. Шаг в шаг. Тропы не топтать. Тропы чуют.

Идет первым. Пригибается, нюхает воздух, землю. Что-то шепчет.

Отряд теперь ведет мелкий гоблин. И все молчат. Потому что без него мы тут сгинем. За час.

Местность — дрянь.

Кочки, поросшие чахлой травой. Между ними черная, маслянистая вода. Трясина.

Идешь, а земля под ногами дышит. Иногда булькает. Из-под воды пузыри поднимаются.

Лопаются с шипением. Пар выпускают вонючий. Аж голова кружится.

И тут как началось!

Идем по узкой тропе. Гроб впереди меня. Вдруг что-то зеленое, быстрое, выстреливает из-под кочки.

Обвивает его ногу. Лиана. Толстая, как рука. С шипами.

— Дрянь! — ревет орк.

Сорвать пытается. А она только сильнее сжимается. Шипы впиваются в кожаные штаны.

И не одна она. Еще две хватают за вторую ногу, за пояс. Тащат с тропы. В жижу.

Подскакиваю я. Махаю дрыном. Бью по лиане.

Твердая, как дерево.

Форга матерится по-гномьи. Стреляет из арбалета.

Болт прорубает шкуру. Зеленый сок брызгает. Тварь дергается, но не отпускает.

А Корнелий, уже на коленях. Черпает склянкой болотную жижу.

— Поразительно! — бормочет. — Симбиоз флоры и фауны! Это растение обладает мышечными волокнами! Какая сложная мутация!

— Помоги лучше, умник! — рычит Гроб, уже по колено в трясине.

Олаф подходит. Мечом — вжик. Точно, быстро. Перерубает лиану у самого корня.

Та обмякает. Мы вдвоем вытаскиваем Гроба. Весь в слизи, злой.

Идем дальше.

Уже осторожнее. Теперь не только под ноги смотрим.

Теперь еще и на каждую ветку, на каждую травинку косимся.

И снова напасть!

Прямо перед Сглазом вода БУЛЬ!

И оттуда тварь. Длинная, с метр. Серая, скользкая. Без глаз, без ног. Только пасть на одном конце. Круглая, полная мелких, как иглы, зубов.

Пиявка. Гигантская.

Прыг на гоблина. А он юркий. Отскакивает.

Тварь в грязь. Извивается. Снова прыгает. Уже на меня.

Принимаю на меч. Протыкаю, а она визжит. Тонко, мерзко.

Обвивается вокруг меча. Скользкая, сильная.

Из воды лезут еще. Десяток. Прыгают, как лягушки.

Начинается мясорубка. Вонючая, грязная.

Мы отбиваемся. Рубим их в воздухе, топчем на земле. Они липнут к броне, к сапогам.

Пытаются прогрызть кожу.

Давишь одну, а ее кровь, густая и черная — воняет.

Корнелий одну поймал в мешок. Тычет в нее палкой.

— Удивительный метаболизм! — кричит, уворачиваясь от очередной твари. — Яд не контактный, гемотоксичный! Нужно избегать укусов!

Что сказанул? Ну что избегать и яд я понял. А остальное?

Отбились.

Все в слизи. Устали. Ноги гудят.

А идти надо. Погоня не ждет.

К вечеру вышли на небольшой сухой островок. Пара скрюченных деревьев. Камни.

Можно передохнуть.

— Привал, — говорит Олаф. — Костер не жечь. Этих тварей дым не отпугнет. Только привлечет.

Сидим в сумерках, жрем остатки сухарей. Мало. Не хватает. Смотрю на туши пиявок, что валяются вокруг. Мясо. Хоть и мерзкое.

— Сглаз, это жрать можно? — спрашиваю.

Гоблин ковыряет в зубах когтем.

— Можно, — говорит. — Хотеть жрать, тогда жрать. Дух пиявка сильный. Злой. Кишки крутить.

— Они ядовиты, — вставляет Корнелий, вытирая очки. — Их железы вырабатывают сильный антикоагулянт и нейротоксин. Употребление в пищу вызовет паралич и внутреннее кровотечение. В теории.

— А на практике? — спрашивает Олаф.

— На практике нужен эксперимент. И противоядие, которого у меня нет, — вздыхает Корнелий. — Но... яд белковый. Термическая обработка высокой интенсивности, возможно, с применением щелочного реагента...

Он смотрит на меня. Я на него.

— Варить, говорю нужно, со специями.

Понятно. Опять работа для повара и алхимика.

## **Готовка**

Это был не ужин.

Это был урок алхимии в полевых условиях.

Акцент был не на вкусе, а на выживании. Главная задача — сделать ядовитое съедобным. Первым делом я занялся пиявками. Работать с ними было отвратительно. Скользкие, упругие. Я срезал с них толстую шкуру, оставив только бледную, волокнистую мякоть внутри. Ее было не так уж и много.

Корнелий дал мне мешочек с белым порошком. Сказал, это очищенная древесная зола. Сильная щелочь. По его совету я развел ее в котелке с водой. Вода тут же стала мутной и начала шипеть. В этот бурлящий раствор я бросил куски пиявок.

Это был первый этап «детоксикации».

Варил их минут десять. Вода стала темно-зеленой и загустела. Запах пошел резкий, химический. Этот отвар я вылил без малейшего сожаления. В болото.

Повторил процедуру.

Снова чистая вода, снова порошок Корнелия. На этот раз вода позеленела не так сильно. Слил и ее. И только на третий раз, когда я проварил их в простой, чуть подсоленной воде, бульон остался почти прозрачным. Корнелий понюхал, попробовал каплю на язык.

— Токсичность на минимальном уровне, — заключил он. — Небезопасно, но уже не смертельно.

Теперь лианы.

Их мясистые части, что остались на Гробе, я очистил от шипов. Они были жесткие, как проволока. Просто так их не сварить. Я мелко их изрубил и поставил тушиться в небольшом количестве воды. Долго. Очень долго. Чтобы жесткие волокна распались.

Когда все было готово, я соединил ингредиенты.

В котелке с отваренной мякотью пиявок и размякшими лианами оказалась мутная, зеленоватая жижа. Для густоты и сытности я добавил туда болотной ряски, которую Сглаз насоби-рал. Сказал, она «силу тины дает».

Получился не суп, а какая-то первобытная хмарь. Пахло странно. Травой, тиной и чем-то неуловимо медицинским. Но оно было горячее. И оно было безопасным. Наверное.

Разлил это варево по мискам. Парни смотрели с сомнением. Даже Гроб, который обычно жрет все, что не прибито, поковырял ложкой с опаской.

— Ешьте, — говорю. — Это лучше, чем голодным подыхать. И уж точно лучше, чем сырыми их жрать.

Олаф первый попробовал. Пожевал. Кивнул.

— Жить будем.

Мы ели. Суп был безвкусным, с легкой горчинкой. Консистенция как у жидкой каши.

Но он наполнял желудок. Давал тепло. И силы.

Это была победа повара и алхимика над проклятым болотом.

**Блюдо дня: «Суп из Пиявок и Болотной Ряски»**, очередная победа разума над ядовитой природой.

## Глава 15: Деревня Сглаза

*3 день Сборня, 1103 год  
Великие Топи.*

Три дня идем по этим топям.  
Ноги уже не мои.  
Просто два комка грязи, которые таскаю за собой.  
Все вокруг чавкает, хлюпает, воняет. Комары размером с палец. И злющие!  
Сглаз идет, как по огороду. Уже не мелкий шаман, что в отряде на подхвате.  
Тут он хозяин!  
Принюхивается, бормочет что-то духам своим.  
А мы идем за ним, как утята за мамкой уткой. Потому что тропа тут — понятие условное.  
Шаг в сторону — и трясина тебя сожрет.

К вечеру третьего дня выходим к ней.  
Деревня. Если можно так назвать.  
Кочки, соединенные гнилыми мостками. Дома из грязи и веток, похожие на муравейники.  
И воняет, конечно. Но уже по-домашнему. Сыростью, рыбой, дымом.  
Не гнилью.  
Нас встречают. Гоблины. Много.  
Высыпали на мостки, с копьями, с дубинами.  
Морды у всех подозрительные. Скалятся.  
— Своя! — кричит Сглаз на общем. — Помогать вести!  
Выходит вперед старый гоблин.  
Весь в морщинах, в амулетах из костей. Смотрит на нас. Долго. Потом на Сглаза.  
— Духи болот беспокойны, Сглаз, — говорит. — Беда здесь. Троль. Он сошел с ума.  
А чего Сглаз так не может?! Все уши сломал уже от его речи.  
— Мой спутника помогать! Вождя! — ну я ж говорю.

Вождь рассказал.  
Оказалось, беда у них знатная. Болотный троль, что жил в соседней трясине, взбесился.  
На нем те же черные спирали, что и у барона на волках. Нападает на деревню, жрет гоблинов.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.